

Жорж
Сименон

МЕГРЭ
И СТАРАЯ ДАМА

Комиссар Мегрэ

Жорж Сименон

Мегрэ и старая дама

«Азбука-Аттикус»

1950

УДК 821.133.1
ББК 84(4Бел)-44

Сименон Ж.

Мегрэ и старая дама / Ж. Сименон — «Азбука-Аттикус»,
1950 — (Комиссар Мегрэ)

ISBN 978-5-389-15427-8

Предлагаем вашему вниманию повесть Ж. Сименона «Мегрэ и старая дама». Комиссар Мегрэ носит давно вышедшие из моды котелок и пальто, не расстается с трубкой, предпочитает дождливую погоду, обожает греться у огня и ходить, заложив руки за спину. Мрачный, немногословный, он обладает редким даром внушать доверие, ему известны тайные пружины человеческой драмы. Разгадывая самые сложные преступления, распутывая самые причудливые интриги, Мегрэ руководствуется одним безотказным принципом: чтобы найти виновных, нужно прежде всего понять смысл их поступков...

УДК 821.133.1
ББК 84(4Бел)-44

ISBN 978-5-389-15427-8

© Сименон Ж., 1950
© Азбука-Аттикус, 1950

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Жорж Сименон

Мегрэ и старая дама

Georges Simenon
MAIGRET ET LA VIEILLE DAME
Copyright © 1950, Georges Simenon Limited
GEORGES SIMENON ®
MAIGRET ® Georges Simenon Limited
All rights reserved

Перевод с французского О. Кустовой

Серия «Иностранная литература. Классика детектива»

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство Иностранка ®
© О. Кустова (наследники), перевод, 2017

* * *

Глава 1

Владелица «Гнездышка»

Со скорого поезда Париж – Гавр он сошел на унылой станции Бреотэ-Безвилль. Для этого пришлось подняться в пять утра, когда такси на парижских улицах не поймать, и добираться до Сен-Лазарского вокзала первым поездом метро. Теперь ему еще предстояла пересадка.

– Скажите, пожалуйста, когда отходит поезд на Этрета?

Часы показывали начало девятого. Утро давно уже наступило, но здесь из-за сырости и дождя казалось, что только светает.

При станции не было ни ресторана, ни буфета, и лишь по другую сторону дороги виделось некое подобие закусочной, возле которой стояли фургоны торговцев скотом.

– На Этрета? Еще не скоро. Вон где ваш поезд.

Ему указали на стоявшие далеко от платформы вагоны без паровоза, допотопные вагоны зеленого, теперь уже непривычного цвета. За стеклами вагонных окон можно было разглядеть неподвижные фигуры нескольких пассажиров, которые, казалось, торчали там со вчерашнего дня. Выглядело все это несерьезно, что-то было в этом от мира игрушек, от детских рисунков.

Целое семейство – несомненно, парижане! – бог знает почему мчалось во весь дух, перепрыгивая через рельсы, к этому составу без паровоза. Трое ребятишек держали в руках сачки для креветок.

Это и переключило его на иной лад. На мгновение Мегрэ забыл о своем возрасте, ему почудился запах моря, хотя до него было добрых двадцать километров; ему послышался даже размеренный шум прибоя... Он поднял голову и не без почтения посмотрел на серые тучи, плывшие, вероятно, с морского простора.

Он ведь родился и вырос вдали от моря. В его сознании море всегда оставалось таким: сачки для креветок, игрушечные поезда, мужчины в мятых фланелевых штанах, пляжные зонтики, продавцы ракушек и сувениров, маленькие бистро, где устрицы запивают белым вином, семейные пансионаты с одинаковым и неповторимым запахом. Обычно мадам Мегрэ уже через несколько дней становилось не по себе в этих пансионатах, она томилась от безделья и охотно стала бы помогать мыть посуду на кухне.

Он, конечно, понимал, как призрачны эти ощущения. Но каждый раз, приближаясь к морю, помимо воли опять погружался в этот игрушечный мир, где, казалось, ничего серьезного и произойти не может.

За время службы ему не раз приходилось вести следствие на побережье. Случались там и настоящие драмы.

Но и теперь, попивая кальвадос в закусочной, он чуть было не улыбнулся, вспомнив о старой даме по имени Валентина и ее приемном сыне, которого зовут Бессон.

Уже начался сентябрь. Среда, шестое число. В этом году опять не удалось побывать в отпуске.

...Накануне, около одиннадцати часов, старый привратник вошел в его кабинет на набережной Орфевр и протянул визитную карточку с черной каймой:

Вдова Фернана Бессона

Вилла «Гнездышко». Этрета

– Она хочет видеть меня лично?

– Да. И настоятельно просит вас уделить ей хотя бы минуту. Утверждает, что специально приехала из Этрета.

– Как она выглядит?

– Это старая дама. Очаровательная старая дама.

Он велел впустить ее. И действительно, вошла обаятельнейшая пожилая дама, какую можно лишь вообразить. Изящная, миниатюрная, с нежным румянцем и белоснежными волосами, она была так моложава и грациозна, что походила скорее на юную актрису, играющую роль пожилой маркизы.

– Вероятно, вы меня не знаете, господин комиссар. Поэтому я еще больше ценю вашу любезность. Я же, напротив, много лет знаю вас по отчетам о потрясающих преступлениях, которые вам удавалось раскрыть. Если вы приедете ко мне, а я на это надеюсь, я покажу вам целую кипу газетных вырезок, где говорится о вас.

– Благодарю вас.

– Меня зовут Валентина Бессон. Это имя, конечно, вам ни о чем не говорит. Но вы, вероятно, поймете, кто я, если я добавлю, что мой муж, Фернан Бессон, был создателем косметического крема «Жюва».

В своем достаточно солидном возрасте Мегрэ не мог не знать слова «Жюва». Совсем еще молодым он встречал его в газетных объявлениях и на рекламных плакатах и теперь, кажется, припоминал даже, что его мамаша пользовалась кремом «Жюва» в дни, когда надевала самые нарядные платья.

Сидящая перед ним пожилая дама была одета с изысканной элегантностью, только обилие драгоценностей делало ее туалет чуть старомодным.

– Мой муж умер пять лет назад, и с того времени я живу одна в своем домике в Этрета. Точнее, до прошлого воскресенья со мной жила еще служанка, местная девушка, работавшая у меня несколько лет. В ночь с воскресенья на понедельник, господин комиссар, она умерла – некоторым образом вместо меня. Именно поэтому я и приехала к вам умолять о помощи.

Говорила она спокойно и лишь легкой улыбкой словно извинялась, что ей приходится рассказывать о столь трагических вещах.

– Я не сумасшедшая, не пугайтесь, и не сумасбродная старуха. Когда я говорю, что Роза – так звали мою служанку – умерла вместо меня, я почти уверена, что не ошибаюсь. Позвольте мне в нескольких словах рассказать о том, что произошло.

– Прошу вас.

– Я плохо сплю и вот уже двадцать лет каждый вечер принимаю снотворное – довольно горькую микстуру с сильным привкусом аниса. Я говорю об этом со знанием дела, так как мой муж был фармацевтом. В воскресенье перед сном, как и в другие вечера, я налила снотворное в стакан. Роза была подле меня, когда я уже лежала в постели и собиралась выпить лекарство. Отпила глоток, и мне показалось, что на этот раз оно горчит больше обычного. «Наверное, я налила больше двенадцати капель, Роза. Сегодня я не стану его пить». – «Спокойной ночи, мадам», – сказала она и, как обычно, унесла стакан. Как знать, она только попробовала его из любопытства или выпила до дна? Вероятнее всего, последнее: пустой стакан нашли в ее комнате. Около двух часов ночи меня разбудили стоны, мой дом невелик. Я поднялась и, выйдя из спальни, встретила свою дочь, которая тоже была на ногах...

– Я полагал, что вы живете только со служанкой?

– В то воскресенье, третьего сентября, был день моего рождения, и дочь, приехавшая из Парижа навестить меня, осталась переночевать. Не стану отнимать у вас время, господин комиссар. Розу мы нашли при смерти в ее постели. Моя дочь бросилась вызывать доктора Жолли, но, когда он приехал, Роза уже умерла после обычных в подобных случаях судорог. Врач не колеблясь определил, что она отравлена мышьяком. Она была не из тех девушек, которые кончают с собой, ела она то же, что и мы. Стало быть, яд почти наверняка находился в предназначенном мне лекарстве...

– Вы подозреваете кого-нибудь в попытке убить вас?

– Кого я могу подозревать? Доктор Жолли, мой давний друг, лечивший еще моего мужа, позвонил в полицию Гавра, и в понедельник утром к нам прибыл инспектор.

- Как его зовут?
  - Инспектор Кастэн. Краснощекий мужчина, брюнет.
  - Я знаю его. Что же он говорит?
  - Ничего. Опрашивает местных жителей. Тело же отправили в Гавр для вскрытия...
- Ее прервал телефонный звонок. Мегрэ взял трубку.
Звонил начальник сыскной полиции.
- Поднимитесь ко мне на минутку, Мегрэ!
  - Сейчас?
  - Да. Если можно.
- Он извинился перед старой дамой: его вызывает шеф.
- Вас не соблазнила бы перспектива провести несколько дней на море? – спросил Мегрэ

начальник.

Мегрэ ответил наугад:

- В Этрета?
- Вы уже в курсе?
- Не знаю. Расскажите подробнее.
- Только что мне позвонили из канцелярии министра. Вы знаете Шарля Бессона?
- Крем «Жюва»?
- Не совсем так. Это его сын. Шарль Бессон живет в Фекане. Два года назад был избран

депутатом от Нижней Сены.

- А мать его живет в Этрета?
- Не мать, а мачеха, она вторая жена его отца. Учтите, все то, о чем я вам говорю, мне только что сообщено по телефону. Шарль Бессон обратился к министру с просьбой, чтобы вы, хотя это и не входит в ваши служебные обязанности, согласились заняться делом в Этрета.
- Служанка его мачехи была отравлена в ночь с воскресенья на понедельник.
- Вы что, читаете нормандские газеты?
- Нет. Старая дама у меня в кабинете.
- И она тоже хочет, чтобы вы поехали в Этрета?
- Совершенно верно. Она специально приехала ко мне, из чего, пожалуй, можно заключить, что пасынок обратился к министру без ее ведома.

- Что же вы решили?
- Это зависит от вас, патрон...

Вот почему в среду утром, чуть позже половины десятого, Мегрэ сел наконец в местный поезд на станции Бреотэ-Безвилль, в тот самый поезд, который казался ему игрушечным, и сразу высунулся в окошко, чтобы быстрее увидеть море.

По мере того как оно приближалось, небо светлело, и, когда поезд вынырнул из лощины между поросшими травой холмами, небо оказалось чистым, лишь несколько легких, прозрачных облачков висело в его голубизне.

Накануне Мегрэ позвонил в оперативную группу Гавра, чтобы там предупредили инспектора Кастэна о его приезде, но сейчас, на вокзале, он тщетно пытался отыскать его на платформе. Встречавшие кого-то женщины в летних платьях и полуголые детишки оживляли перрон. Начальник станции, нерешительно оглядывавший прибывших, подошел наконец к комиссару:

- Вы, случайно, не комиссар Мегрэ?
- Случайно – да.
- У меня к вам письмо.

Он передал Мегрэ конверт. Инспектор Кастэн писал:

Прошу прощения, что не встретил Вас. Сейчас я на похоронах в Ипоре. Рекомендую Вам остановиться в «Английской гостинице», где я надеюсь с Вами позавтракать. Там же я введу Вас в курс дела.

Было всего десять часов утра, и Мегрэ, прихвативший в дорогу лишь легкий чемодан, направился пешком к отелю, расположенному у самого пляжа.

Но, не заходя в отель, прямо с чемоданом, он пошел взглянуть на море, полюбоваться белыми скалами, возвышавшимися по обе стороны пляжа, усеянного галькой. Юноши, девушки резвились в волнах, играли в теннис за отелем, мамыши удобно устроились с вязаньем в шезлонгах, старички попарно прогуливались вдоль берега.

Еще школьником он помнил, как его сверстники каждый год возвращались с моря загорелыми, напичканными всевозможными историями, с карманами, полными ракушек. Сам же он впервые увидел море много позже, когда давно уже зарабатывал себе на жизнь.

Ему стало чуть грустно оттого, что он не испытывает больше знакомого волнения и уже равнодушно смотрит и на сверкающие гребешки, и на лодку, зарывающуюся в высокую волну, и на инструктора по плаванию с голыми татуированными руками.

Запах отеля был настолько знакомым, что вдруг ему стало не доставать мадам Мегрэ: ведь этот запах они обычно вдыхали вместе.

– Вы надолго к нам? – спросили его в отеле.

– Еще не знаю.

– Я потому спрашиваю, что пятнадцатого сентября мы закрываемся, а сегодня уже шестое.

Да, все здесь закроется, как в театре: и киоски с сувенирами, и кондитерские; на окнах появятся ставни, только море и чайки будут хозяйничать на пустынном берегу.

– Вы знаете мадам Бессон? – спросил он у администратора отеля.

– Валентину? Конечно знаю. Она из этих мест, здесь родилась, здесь рыбачил ее отец. Я не знал ее ребенком, она старше меня, но хорошо помню, как она работала продавщицей в кондитерской сестер Серэ. Одна из сестер умерла, другая еще жива, ей девяносто два года, она соседка Валентины. Это ее сад обнесен голубым забором. Заполните, пожалуйста, карточку для приезжих.

Прочтя карточку, администратор – а может, это был сам хозяин – посмотрел на Мегрэ с нескрываемым интересом:

– Вы тот самый Мегрэ, из полиции? Специально ради этого дела приехали из Парижа?

– Инспектор Кастэн здесь остановился?

– Как вам сказать... Он с понедельника почти ежедневно обедает у нас, но каждый вечер возвращается в Гавр.

– Я жду его.

– Он на похоронах, в Ипоре.

– Да. Знаю.

– Вы полагаете, что кто-то на самом деле пытался отравить Валентину?

– Я еще не успел узнать ничего определенного.

– Это могли сделать только ее родственники.

– Вы имеете в виду ее дочь?

– Я никого не имею в виду и ничего не знаю. Но в прошлое воскресенье в доме Валентины – она называет его «Гнездышком» – было много родственников. И я не представляю, кто бы из местных мог быть зол на Валентину. Столько добра сделала эта женщина при жизни мужа, когда у нее были средства! И даже сейчас она все раздает, хотя далеко не так богата. Мерзкая это история, поверьте мне. Этрета всегда был спокойным местом. Сюда приезжают люди определенного круга, обычно семьями, я мог бы назвать вам...

Мегрэ предпочел пройти по залитым солнцем улицам. На площади перед мэрией он прочел надпись над белой витриной: «Кондитерская Морэн – бывшее заведение Серэ».

У продавца он спросил, как пройти к «Гнездышку».

Ему указали дорогу, извивающуюся по отлогому склону холма, у подножия которого несколько вилл утопало в садах. Он постоял в некотором отдалении от скрытого зеленью дома, из трубы которого медленно поднимался дымок и таял в бледной синеве неба.

Когда он вернулся в отель, инспектор Кастэн был уже там. Его маленькая черная «симка»¹ стояла у подъезда, а сам он ждал на лестнице.

– Хорошо доехали, господин комиссар? Очень сожалею, что не смог встретить вас на вокзале. Я решил, что бесполезно побывать на этих похоронах. Судя по всему, таков и ваш метод.

– И что же там было?

Они зашагали вдоль берега.

– Не знаю, что и сказать. Прошли похороны скорее плохо. Обстановка была напряженной. Тело девушки привезли из Гавра сегодня утром, и родные прямо со станции отвезли ее на грузовике в Ипор. Семейство Трошю! Вы еще услышите о них. Здесь полно этих Трошю, и почти все они рыбаки. Отец долгое время ловил сельдь в Фекане, тем же заняты сейчас два его старших сына. Роза была старшей из дочерей. У них есть еще две или три дочери, одна из них живет в Гавре, работает в кафе.

У Кастэна были густые волосы, низкий лоб, он излагал свои мысли с такой упрямой медлительностью, словно тянул на себе плуг.

– В Гавре я уже шесть лет и исколесил всю округу. В здешних деревнях, особенно вблизи старых замков, встречаются еще смиренные люди, которые почтительно вспоминают своего барина. Есть и другие, более грубые, недоверчивые, иногда злобные. Я еще не знаю, к каким из них отнести Трошю, но сегодня на похоронах Валентину Бессон встретили холодно, почти враждебно.

– Меня только что убеждали, что она всеобщая любимица в Этрета.

– Но Ипор не Этрета. И Роза мертва.

– Значит, старуха была на похоронах?

– Как же, в первом ряду. Кое-кто называет ее помещицей, возможно, потому, что у нее был когда-то замок где-то в Орне или в Салоне, уж не знаю точно. Вы видели ее?

– Она приезжала ко мне в Париж.

– Она говорила мне, что собирается в Париж, но я не знал, что она ездила к вам. Что вы можете сказать о ней?

– Пока ничего.

– Она была колоссально богата. Много лет у нее был в Париже свой особняк на авеню Йены, собственный замок, собственная яхта. А «Гнездышко» – это так, пристанище на всякий случай.

Она приезжала сюда в большом лимузине с шофером, а сзади следовал другой автомобиль, с багажом. Все глазели на нее по воскресеньям, когда она отстаивала мессу в первом ряду (в церкви у нее всегда была своя скамья) и потом щедро раздавала милостыню. Если кому-нибудь приходилось туго, ему обычно советовали: «Ступай к Валентине». Многие, особенно среди пожилых, так и называли ее, по имени.

Сегодня утром она приехала в Ипор на такси и вышла из машины торжественно, как в прежние времена. Казалось, что это именно она руководит церемонией похорон. Ее огромный венок, конечно, затмил все остальные... Возможно, я ошибаюсь, но мне показалось, что Трошю были раздражены и поглядывали на нее искоса. Она сочла своим долгом со всеми поздоро-

---

¹ Автомобиль, произведенный на заводе «Societe Industrielle de Mechanique et Carrosserie Automobile» или «Simca».

ваться за руку. Отец не глядя, весьма неохотно протянул ей свою. А старший сын Анри просто повернулся к ней спиной.

– Дочь мадам Бессон была с ней?

– В понедельник после обеда она возвратилась поездом в Париж. Я не вправе был удерживать ее. Должно быть, вы заметили, что я еще не совсем разобрался в этом деле? Однако я считаю, что необходимо снова ее допросить.

– Как она выглядит?

– Должно быть, мать выглядела так в ее возрасте, то есть в тридцать восемь лет. На вид дочери не дашь больше двадцати пяти. Миниатюрная, изящная, очень миловидная, с огромными, по-детски ясными глазами. А между тем какой-то мужчина – однако не ее муж – провел ночь с воскресенья на понедельник у нее в спальне, в «Гнездышке».

– Она вам об этом сказала?

– Нет. Это я обнаружил сам, но слишком поздно, чтобы расспросить у нее о деталях. Пожалуй, стоит рассказать вам все по порядку. Дело это намного сложнее, чем кажется с первого взгляда. Я кое-что записывал. Вы позволите?

Он вытащил из кармана роскошную записную книжку в красном кожаном переплете, совсем непохожую на дешевенькие блокноты, которыми обычно пользовался Мегрэ.

– В Гавре нас известили в понедельник, в семь утра, а в восемь, придя на работу, я обнаружил на столе записку. Я сел в «симку» и примерно к девяти был уже здесь. Шарль Бессон приехал на своей машине чуть раньше меня.

– Он живет в Фекане?

– Да, там у него дом, его семья живет там круглый год. Но с тех пор, как его выбрали депутатом, часть времени он проводит в Париже, где снимает квартиру в гостинице на бульваре Распай. Все воскресенье он провел здесь с семьей, то есть с женой и четырьмя детьми.

– Он ведь не сын Валентины?

– У Валентины нет сыновей, только одна дочь Арлетта, та, о которой я вам рассказывал. Она замужем за парижским дантистом.

– Муж ее тоже был здесь в воскресенье?

– Нет. Арлетта приезжала одна. Был день рождения ее матери. У них, кажется, в семье обычай навещать ее в этот день. Когда я спросил у Арлетты, каким поездом она приехала, она ответила, что утренним, то есть тем же, что и вы сегодня.

Но вы сейчас убедитесь, что она солгала! В понедельник, как только труп был отправлен в Гавр, я сразу же осмотрел все комнаты в доме. Работа не из легких. Дом хотя и невелик, но обставлен со вкусом, в нем масса всяких закоулков, хрупкой мебели и безделушек.

Комнаты Валентины и служанки – на втором этаже, а на первом есть только комната для гостей, в ней-то и останавливалась Арлетта. Передвигая тумбочку, я обнаружил мужской носовой платок, и мне показалось, что Арлетта, наблюдавшая за мной, вдруг сильно встревожилась. Она живо выхватила платок у меня из рук. «Надо же! Я увезла платок мужа».

К сожалению, я только вечером вспомнил о вышитой на платке букве «Э». Арлетта уехала. Я отвез ее на вокзал в своей машине и видел, как она купила билет в кассе.

Сам знаю, что это глупо, но только в машине я вдруг сообразил: почему же, уезжая из Парижа, она не взяла обратный билет? Возвратившись в зал ожидания, я стал расспрашивать контролера.

«Эта дама приехала в воскресенье десятичасовым поездом, не так ли?» – «Какая дама?» – «Та, которую я только что проводил». – «Мадам Арлетта? Нет, месье». – «Разве она приехала не в воскресенье?» – «Возможно, она приехала и в воскресенье, но только не поездом. Я проверял билеты, конечно, узнал бы ее». – Кастэн посмотрел на Мегрэ с некоторым беспокойством. – Вы меня слушаете?

– Да, конечно.

– Может быть, я рассказываю слишком подробно?

– Да нет же. Просто мне надо привыкнуть ко всему этому.

– К чему?

– Ко всему: к вокзалу, к Валентине, Арлетте, контролеру, Трошю. Ведь еще вчера я ничего не знал обо всем этом.

– Вернувшись в «Гнездышко», я спросил у старой дамы имя ее зятя. Оказывается, его зовут Жюльен Сюдр. Ни имя, ни фамилия не начинаются с буквы «Э». Приемных сыновей мадам Бессон зовут Тео и Шарль. Правда, садовника, приходящего на виллу трижды в неделю, зовут Эдгар, но, во-первых, его не было в воскресенье, а во-вторых, меня уверили, что у него никогда не было больших носовых платков с красной каймой.

Не зная, с чего начать следствие, – продолжал Кастэн, – я принялся расспрашивать людей в городе. И таким образом от продавца газет узнал, что Арлетта приехала не поездом, а в роскошном спортивном автомобиле зеленого цвета. Это упрощало дело. Владелец зеленого автомобиля, оказывается, остановился в воскресенье вечером в отеле, который я вам рекомендовал. Им оказался некий Эрве Пейро, который записал в карточке для приезжих, что он вино-торговец и живет в Париже на набережной Сент-Огюстен.

– Ночь он провел не в отеле?

– Он проторчал в баре до закрытия, то есть почти до полуночи, а потом, вместо того чтобы отправиться спать, куда-то пошел пешком, сказав, что идет к морю. Ночной сторож говорит, что Пейро вернулся что-то около половины третьего ночи. Я говорил со слугой, который чистит обувь в отеле, и от него узнал, что на подметках ботинок этого Пейро налипла красная глина. Во вторник утром, вернувшись в «Гнездышко», я обнаружил под окном у Арлетты следы на клумбе. Что вы скажете на это?

– Ничего.

– Ну а что касается Тео Бессона...

– Он тоже был в доме?

– Но не ночью. Вам ведь известно, что братья Бессон – дети от первого брака и Валентина не их мать. Я записал всю родословную семьи и, если хотите...

– Только не сейчас. Я голоден.

– Короче, Тео Бессон – холостяк, ему сорок восемь лет. Уже две недели, как он отдыхает в Этрета.

– У мачехи?

– Нет. Они не встречаются. Мне кажется, что они в ссоре. Он снял комнату в отеле «Белые скалы», который виден отсюда.

– Значит, он не был на вилле?

– Погодите, дело в том, что Шарль Бессон... – Бедняга Кастэн вздохнул, отчаявшись толково изложить дело. Особенно его смущало то, что Мегрэ, казалось, совсем его не слушает. – В воскресенье утром Шарль Бессон приехал в одиннадцать часов вместе с женой и четырьмя детьми. У них свой автомобиль, огромный «панар» старого образца. Арлетта приехала до них. Они все вместе позавтракали в «Гнездышке». Затем Шарль Бессон отправился на пляж со старшими детьми: мальчиком пятнадцати лет и девочкой двенадцати. А в это время дамы болтали.

– Он встретился с братом?

– Совершенно верно. Подозреваю, что Шарль Бессон затеял эту прогулку, чтобы опрокинуть стаканчик в баре казино. По слухам, он не дурак выпить. Там он и повстречал Тео, о присутствии которого в Этрета не подозревал, и настоял, чтобы Тео пришел с ним в «Гнездышко». Тео в конце концов дал себя уговорить. Итак, за обедом семейство было в полном сборе. Обед был холодный – лангусты и жареная баранина.

– Обед никому не повредил?

– Нет. Кроме членов семьи, в доме была лишь служанка. Шарль Бессон уехал в половине десятого. Его пятилетний сын Клод проспал все это время в комнате хозяйки, а когда все уже садились в машину, заплакал их шестимесячный младенец, и ему пришлось дать соску.

– Как зовут жену Шарля Бессона?

– Кажется, Эмильенна. Хотя все зовут ее Мими.

– Мими, – с серьезным видом повторил Мегрэ, как будто заучивал наизусть урок.

– Полная брюнетка лет сорока.

– Полная брюнетка? Так-так. Значит, они уехали около десяти?

– Совершенно верно. Тео задержался на несколько минут. И затем, кроме трех женщин, в доме уже никого не оставалось.

– Валентина, ее дочь Арлетта и Роза?

– Совершенно верно. Роза мыла посуду на кухне, а мать и дочь болтали в гостиной.

– Все комнаты на втором этаже?

– Кроме комнаты для гостей, как я вам уже объяснял. Она на первом этаже, окна выходят в сад. Вы увидите «Гнездышко» – настоящий кукольный домик, с крошечными комнатами.

– Арлетта не поднималась в комнату к матери?

– Около десяти часов они вместе прошли туда: старой даме захотелось похвастаться перед дочерью новым платьем.

– Спустились они вместе?

– Да. Затем Валентина снова поднялась к себе – укладываться спать. Через несколько минут за ней прошла Роза. Она обычно помогала хозяйке лечь в постель и подавала ей снотворное.

– Она же его и готовила?

– Нет. Валентина заранее закапывает лекарство в стакан с водой.

– Арлетта больше не поднималась?

– Нет. И в половине двенадцатого Роза тоже легла спать.

– А около двух часов она начала стонать?

– Это время называют Арлетта и ее мать.

– И значит, по-вашему, между полуночью и двумя часами в комнате Арлетты находился мужчина, с которым она приехала из Парижа? А вам неизвестно, чем занимался Тео этой ночью?

– До сих пор у меня не было времени выяснить это, и, признаюсь, мне даже и мысль такая не приходила.

– Что ж, пойдем завтракать.

– С удовольствием.

– А здесь можно заказать ракушки в соусе?

– Думаю, можно. Хотя не уверен. Я только знакомлюсь с меню.

– Сегодня утром вы побывали в доме родителей Розы?

– Только в первой комнате, где стоял гроб.

– Нет ли у них ее хорошей фотографии?

– Могу спросить.

– Сделайте это. Возьмите все фотографии, какие только сможете найти, даже детские, всех возрастов. Кстати, сколько ей было лет?

– Двадцать два или двадцать три. Рапорт составлял не я, и...

– Она, кажется, давно служила у старой дамы?

– Семь лет. К Валентине она поступила совсем молоденькой, еще при жизни Фернана Бессона. Плотная, румяная девица, с пышным бюстом...

– Она никогда не болела?

– Доктор Жолли ничего об этом не говорил. Думаю, что он сказал бы мне.

– Хотелось бы знать, были у Розы поклонники или, может быть, любовник?

– Я тоже подумал об этом. Как будто нет. Она была очень серьезной девушкой и редко выходила из дому.

– Может быть, ее не отпускали?

– Я не совсем уверен, но похоже, что Валентина строго следила за ней и неохотно давала выходные.

Все это время они гуляли вдоль берега. Мегрэ не сводил глаз с моря, но словно даже не замечал его. Все было кончено. Утром в Бреотэ-Безвилле он еще испытал приятное волнение. Игрушечный поезд напомнил ему о прежних каникулах. А сейчас он уже не замечал цветных купальников женщин, ребят, растянувшихся на гальке, не ощущал йодистого запаха водорослей. Лишь мельком осведомился, будут ли к обеду ракушки в соусе. Голова его была заполнена новыми именами, которые он пытался разместить в своей памяти так, как сделал бы это в своем кабинете на набережной Орфевр.

Вместе с Кастэном он уселся за стол, накрытый белой скатертью, на котором в узкой вазе поддельного хрусталя стояли гладиолусы.

Может быть, это признак старости? Он повернул голову к окну, чтоб еще раз увидеть белые барашки на море, и его огорчило, что он снова не почувствовал никакого душевного трепета.

– Много было народу на похоронах?

– О, там был весь Ипор, не считая приехавших из Этрета и таких местечек, как Лож, Вокотт; были и рыбаки из Фекана.

Ему припомнились деревенские похороны, даже показалось, что он вдыхает запах кальвадоса. И он спросил с самым серьезным видом:

– Наверное, мужчины напьются сегодня вечером?

– Весьма возможно, – согласился Кастэн, слегка удивленный ходом мыслей прославленного комиссара.

Ракушек в меню не оказалось, на закуску они заказали сардины в масле и сельдерей под острым соусом.

Глава 2

Прошлое Валентины

Не найдя звонка, он толкнул калитку, оказавшуюся незапертой, и вошел в сад. Нигде еще не встречал он такого обилия растительности на столь ограниченном участке земли. Цветущие кусты росли так тесно, что напоминали о джунглях. А из каждого свободного уголка выглядывали георгины, хризантемы, люпины и другие цветы, названий которых Мегрэ не знал – их изображения он встречал только в витринах, на веселых, красочных этикетках пакетов с семенами.

Шиферная крыша дома, которую он заметил с дороги, все еще была скрыта зеленью. Дорожка петляла, и он сворачивал то налево, то направо, пока наконец не вышел на задний двор, вымощенный большими розовыми плитками. Здесь были кухня и прачечная.

Плотная, черноволосая, чуть с проседью крестьянка, одетая в черное, мрачно выколачивала матрас. Вокруг нее под открытым небом в беспорядке была расставлена мебель спальни комнаты. Раскрытая тумбочка, стул с соломенным сиденьем, разобранный кровать. Занавеси и одеяла на веревке.

Не прекращая работы, женщина разглядывала его.

– Мадам Бессон дома?

Она молча указала ему на окна, увитые диким виноградом. Сквозь стекла он увидел Валентину в гостиной.

Она не ждала, что он пройдет задним двором, и, не подозревая о его присутствии, готовилась его встретить.

Поставив на круглый столик серебряный поднос с хрустальным графином и рюмками, она отступила на шаг, чтобы оценить эффект, затем поправила прическу, разглядывая себя в старинное зеркало в резной оправе.

– Постучите, – не очень любезно сказала крестьянка.

Он только теперь заметил дверь, выходящую на балкон, и постучал в нее. Валентина удивленно обернулась, но тут же на ее лице появилась предназначенная ему улыбка.

– Я знала, что вы придете, но надеялась встретить вас у парадного входа, если только слово «парадный» подходит к моему домику.

В первые мгновения у него снова появилось то же впечатление, что в Париже. Она была так оживленна, так резва, что напоминала молодую, даже очень молодую женщину, лишь переодетую старой дамой для любительского спектакля. И при этом она не молодилась.

Напротив, покрой ее черного шелкового платья, прическа, широкий бархатный волан вокруг шеи – все подходило к ее возрасту.

Потом, разглядев ее внимательнее, он заметил и мелкие морщинки, и увядшую кожу, и ту сухость рук, которая не может обмануть.

– Позвольте вашу шляпу, господин комиссар, и выберите кресло, где будет вам удобно. В моем кукольном домике вы должны чувствовать себя не совсем свободно, не правда ли?

Она все время словно подшучивала над собой и, видимо, знала, что это прибавляет ей очарования.

– Вам, должно быть, уже говорили, а если нет, наверняка скажут, что у меня есть странности. У меня действительно масса причуд. Вы не можете себе представить, сколько чудачеств появляется у одиноких людей. Может быть, вы присядете в это кресло у окна и доставите мне удовольствие – закурите вашу трубку?

Мой муж с утра до вечера курил сигару. Сигарный дым заполнял весь дом. Между нами, я даже думаю, что это ему не нравилось, – курить он стал поздно, после сорока. Как раз тогда,

когда крем «Жюва» приобрел известность. – Она быстро, словно извиняясь за свою навязчивость, добавила: – У каждого свои слабости.

Надеюсь, вы уже пили кофе в отеле? Тогда позвольте предложить вам рюмку кальвадоса, которому уже больше тридцати лет.

Он понял, что глаза молодят ее ничуть не меньше, чем живость. Бледно-голубые, как сентябрьское небо над морем, они сохраняли всегда изумленное, восторженное выражение, какое могло быть у Алисы в Стране чудес.

– Если вас не шокирует, я также выпью с вами капельку, чтобы вы пили не один... Как видите, я не скрываю свои маленькие слабости. В доме у меня все вверх дном, я только что вернулась с похорон бедняжки Розы. Больших трудов стоило мне уговорить мамашу Леруа помочь убрать. Вы, наверное, догадались, что во двор вынесена мебель из комнаты Розы. Я ужасно боюсь смерти, господин комиссар, и всего, что с ней связано! До тех пор, пока весь дом от фундамента до крыши не будет вычищен и проветрен, меня будет преследовать запах смерти.

Лучи солнца сквозь кроны лип и оконное стекло проникли в комнату и заиграли на мебели золотистыми зайчиками.

– Я и не подозревала, что прославленный комиссар Мегрэ когда-нибудь будет сидеть в этом кресле.

– Вы, кажется, говорили, что собираете газетные вырезки о моей работе?

– Как же! Я часто вырезала их. Помню, еще девочкой собирала газетные вырезки – приключенческие романы с продолжением.

– Они у вас здесь?

– Сейчас поищу.

Он не уловил сомнения в ее голосе. Слишком уж уверенно направились она к старинному секретеру, пошарила в его ящиках, потом подошла к резному комоду.

– Может быть, они в моей комнате?

Она направились к лестнице.

– Не утруждайте себя.

– Да нет же! Я очень хочу найти их. Я ведь догадываюсь, какие у вас мысли. Вы думаете, что в Париже я это сказала для того, чтобы польстить вам и убедить вас приехать сюда. Сказать по правде, бывает, что и приврешь иногда, как и все женщины, но, клянусь вам, это не тот случай.

Он слышал, как она ходила из угла в угол по верхней комнате. Спустившись, она довольно неловко разыграла сцену разочарования:

– Между нами, Роза не умела наводить порядок. Она, проще говоря, была неряхой. Завтра я поищу на чердаке. Во всяком случае, я найду эти вырезки до вашего отъезда из Этрета. А теперь, я думаю, у вас есть масса вопросов ко мне, поэтому устроюсь-ка я поудобнее в своем бабушкином кресле. Ваше здоровье, господин Мегрэ.

– Ваше здоровье, мадам.

– Я вам не кажусь смешной?

Он вежливо покачал головой.

– Вы на меня не сердитесь за то, что я похитила вас с вашей набережной Орфевр? Не правда ли, забавно, что моему приемному сыну пришла в голову та же мысль, что и мне? Он очень гордится тем, что он депутат, и, разумеется, поступил иначе – обратился к министру. Скажите откровенно, вы приехали ради него или ради меня?

– Ради вас, конечно.

– Вы считаете, что мне следует чего-то опасаться? Странно. Я никак не могу всерьез принять эту угрозу. Говорят, что старые женщины боязливы. Но почему? Ведь сколько таких же старых женщин, как я, живут тихо и уединенно! Роза спала в этом же доме, но трусила

именно она и будила меня по ночам, когда ей мерещился шум на улице. Во время грозы она не выходила из моей комнаты и всю ночь в одной рубашке дрожала в моем кресле и бормотала молитвы. А не боюсь я, возможно, потому, что ума не приложу, кто мог бы желать мне зла. Я ведь уже не богата. Все в округе знают, что я живу на скромную пожизненную ренту, оставшуюся после разорения. Этот дом также принадлежит только мне, никто не унаследует его. Мне кажется, я никому не причинила зла...

– Однако Роза мертва.

– Да, это так. Возможно, вы сочтете меня глупой и эгоисткой, но даже теперь, когда она уже в могиле, я с трудом верю в случившееся. Вы сейчас, конечно, захотите осмотреть дом. Рядом – столовая, а вот эта дверь ведет в комнату для гостей, где ночевала моя дочь. И, кроме кухни, прачечной и кладовой, на первом этаже ничего нет, а второй этаж и того меньше, потому что над кухней и прачечной нет надстроек.

– Дочь часто навещает вас?

На лице ее появилось смиренное выражение.

– Раз в год. В день моего рождения. Все остальное время я не вижу ее. И не получаю о ней известий. Она никогда не пишет мне.

– Она, кажется, замужем за зубным врачом?

– Я думаю, мне следует познакомить вас с историей всей семьи. Это естественно. Любите ли вы откровенность, господин Мегрэ? Или предпочитаете, чтоб я рассказывала вам как светская дама?

– Надо ли спрашивать, мадам?

– Вы еще не видели Арлетту?

– Нет еще.

Она достала из ящика старые конверты с фотографиями:

– Взгляните. Здесь ей восемнадцать лет. Говорят, она на меня похожа. Да, что касается внешности, я вынуждена согласиться.

Действительно, сходство поражало. Арлетта была так же миниатюрна, как ее мать, те же тонкие черты лица и особенно те же светлые большие глаза.

– Как говорится, ангел во плоти, не правда ли? Бедняга Жюльен поверил в это и женился на ней, хотя я его предупреждала. Он ведь славный малый, работага, начинал он на пустом месте, с трудом закончил учение и сейчас работает по десять, а то и больше часов в день в своем скромном зубоврачебном кабинете на улице Сент-Антуан.

– Вы полагаете, они несчастливы?

– Он-то, может быть, и счастлив. Бывают ведь люди, которые умеют быть счастливыми... По воскресеньям он располагается с мольбертом где-нибудь на берегу Сены и рисует. У них есть лодка...

– Ваша дочь любит мужа?

– Посмотрите на эти фотографии и решите сами. Может быть, она и способна любить, но я этого никогда не замечала. Когда я работала в кондитерской сестер Серэ, – вам, наверное, говорили об этом, – случилось, что она бросала мне в лицо: «Не думаешь ли ты, что очень приятно иметь мать, которая продает пирожные моим подружкам!» Тогда ей было семь лет. Мы вдвоем жили в комнатухе под лавкой часовщика, которая сохранилась до сих пор. Когда я вышла замуж, жизнь ее изменилась.

– Вам не трудно рассказать сначала о вашем первом муже? Мне наверняка будут говорить о нем, поэтому хотелось бы прежде послушать вас.

Она наполнила его рюмку, вопрос несколько не смутил ее.

– Тогда я начну, пожалуй, с родителей. Я урожденная Фок, эту фамилию вы еще встретите в округе. Отец мой рыбачил здесь, в Этрета. Мать нанималась поудомно прислугой в такие дома, как этот, но только летом, потому что зимой и здесь никого не оставалось. У меня было

три брата и сестра, все они умерли. Один из братьев убит на войне тысяча девятьсот сорок первого года, другой утонул в результате кораблекрушения. Сестра вышла замуж и умерла в родах. А мой третий брат, Люсьен, работал парикмахером в Париже и плохо кончил: его пырнули ножом в одном из кабачков возле площади Бастилии.

Я никогда не стыдилась этого и не скрывала своего происхождения. Иначе на склоне лет я не приехала бы сюда, где все меня знают.

– Вы работали при жизни родителей?

– С четырнадцати лет я служила нянькой, потом горничной в отеле. Мать моя к этому времени умерла от рака груди. Отец жил до глубокой старости, но сильно пил, в последние дни он совершенно потерял человеческий облик. Я познакомилась с молодым человеком из Руана по имени Анри Пужоль, который служил на почте, и вышла за него замуж. Это был милый, очень спокойный и воспитанный человек. Но я еще не знала тогда, что означал лихорадочный румянец на его щеках. Четыре года я была молодой супругой и хозяйкой трехкомнатной квартиры.

Потом стала матерью. Мужа, когда он возвращался с работы, я встречала с детской коляской. По воскресеньям мы покупали пирожные у сестер Серэ. Раз в год мы выбирались в Руан к его родителям, они держали бакалейную лавку в Верхнем городе.

Но вот Анри начал кашлять, через несколько месяцев он скончался, оставив меня одну с Арлеттой... Я сменила квартиру, поселилась в одной комнате и пошла работать продавщицей в кондитерскую сестер Серэ. Говорили, что моя молодость и красота привлекают покупателей. И вот однажды я познакомилась в магазине с Фернаном Бессоном.

– Сколько вам было тогда лет?

– Несколько месяцев спустя мы поженились, тогда мне было тридцать.

– А ему?

– Примерно пятьдесят пять. Он овдовел много лет назад. И самое забавное, что его сыновья – мальчики шестнадцати и восемнадцати лет, – казалось, вот-вот влюбятся в меня.

– Этого не произошло?

– Разве что Тео, в самом начале. Позже он стал холоден со мной, но я на него за это никогда не сердилась. Вам известна история Бессона?

– Я знаю, что он был владельцем предприятий, изготавливавших косметический крем «Жюва».

– В таком случае вы, наверное, представляете себе незаурядного человека? Увы! Все было иначе. Обыкновенный фармацевт из Гавра, где у него была тесная и темная аптека в бедном квартале, с двумя стеклянными шарами на витрине – зеленым и желтым. Сам он в сорок лет, как видите на фотографии, был похож на рассыльного газовой компании, а жена его – на прислугу.

В то время лекарства изготавливались примитивно, не то что теперь, и он сам выполнял заказы клиентов. Как-то он приготовил крем для одной девицы, у которой с лица не сходили прыщи. Крем помог ей избавиться от них. Об этом стало известно соседям, потом всему городу.

Шурин Бессона посоветовал ему разрекламировать этот крем, подобрав для него звучное имя. Вдвоем они нашли название. И шурин сделал первый взнос в это коммерческое дело.

В короткий срок оно принесло чуть ли не целое состояние. Потребовалось построить несколько лабораторий, сначала в Гавре, потом в Пантене, в окрестностях Парижа. Слово «Жюва» появилось во всех газетах, огромными буквами замелькало на стенах домов. Вы не представляете, какую прибыль дают подобные вещи, если им обеспечена хорошая реклама!

Первая жена Бессона через некоторое время умерла, так и не успев насладиться богатством. Бессон решил переменить образ жизни. Когда я его встретила, он был уже очень богат,

но еще не привык к деньгам и не совсем знал, что с ними делать. Вероятно, поэтому он и женился на мне.

– Что вы хотите этим сказать?

– То, что ему нужна была красивая женщина, которую он мог бы одевать и выводить в свет. Парижанок он опасался. Женщины из богатых семей Гавра просто отпугивали его. Он чувствовал себя свободнее в обществе девицы, встреченной за прилавком кондитерской.

Думаю, он не огорчился, узнав, что я вдова и что у меня тоже есть ребенок... Не знаю, понятно ли вам все это.

Да, он все понимал. Его только удивляло, как безошибочно разобралась она в муже и как ловко все устроила.

– Сразу же после нашей свадьбы он приобрел особняк в Париже на авеню Йены. А несколько лет спустя – замок Анзи в Солони. Он осыпал меня драгоценностями, одевал у лучших портных, возил в театр и на скачки. Он даже построил яхту, которой ни разу не воспользовался, так как страдал морской болезнью.

– Как по-вашему, был он счастлив?

– Не знаю. Возможно, он был счастлив в своей конторе на улице Тронше, потому что там его окружали подчиненные. В других местах ему все казалось, что над ним подсмеиваются, хотя он был приличным человеком, вполне разумным, как и большинство тех, кто ворочает делами. Разве что большие деньги пришли к нему слишком поздно.

Но он вбил себе в голову, что должен стать крупным промышленником, и наряду с кремом «Жюва» – настоящей золотой жилой – стал выпускать другие парфюмерные изделия: зубную пасту, мыло, бог знает что еще.

На рекламу он тратил миллионы. Он построил заводы не только для выпуска самих этих товаров, но и для их упаковки. Тео тоже вступил в дело и строил еще более грандиозные планы.

Так продолжалось двадцать пять лет, господин Мегрэ!

Теперь я с трудом вспоминаю это время, настолько быстро оно пролетело. Мы всегда торопились: из парижского дома спешили в замок, оттуда в Канн или Ниццу и снова в попытках возвращались в Париж на двух автомобилях – второй вез багаж, дворецкого, горничную, повара.

Потом муж решил каждый год путешествовать, и мы отправлялись в Лондон, в Шотландию, Турцию, Египет.

Дела требовали его обратно, и мы снова и снова спешили, переезжая с чемоданами, набитыми моими платьями и драгоценностями, которые в каждом городе для безопасности нужно было сдавать на хранение в банк.

Арлетта вышла замуж. Я так и не поняла зачем. Вернее, я так и не узнала, почему она внезапно вышла замуж за этого юношу, которого мы даже не знали, хотя она могла бы выбрать себе мужа среди богатых молодых людей, посещавших наш дом.

– А ваш муж не увлекался вашей дочерью?

– Признайтесь, вы подозреваете, что это было больше, чем простое увлечение, не так ли? Я размышляла над этим. Весьма естественно, что мужчина в годах, живя в одном доме с молоденькой девушкой, не его дочерью, мог влюбиться в нее. Я наблюдала за ними. Он действительно осыпал ее подарками, исполнял все ее капризы, но ничего другого я не замечала. И не знаю, почему Арлетта вышла замуж в двадцать лет за первого встречного. Я могу понять многих людей, но никогда не понимала собственную дочь.

– У вас были хорошие отношения с сыновьями вашего мужа?

– Тео, старший, почти сразу невзлюбил меня, а Шарль всегда относился ко мне так, словно я его родная мать. Тео так и не женился. Несколько лет он вел ту рассеянную жизнь, какую не смог в молодости вести его отец, поскольку не был к ней подготовлен. Почему вы на меня так смотрите?

Его поражал все тот же контраст. Она говорила непринужденно, с легкой улыбкой, с тем же ясным выражением светлых глаз, – тем более удивляли произносимые ею слова.

– У меня было время для размышлений, вы ведь знаете – пять лет я живу здесь одна! Тео пропадал на скачках, в ресторанах «Максим» и «Фуке» и прочих модных заведениях, а лето проводил в Довиле². В то время дом его был открыт для всех, его окружали молодые люди из знатных семей, но без гроша в кармане. Он и сейчас продолжает вести ту же жизнь, вернее, посещает те же заведения, но теперь у него самого нет денег и его больше приглашают другие. Не знаю, как он выкручивается.

– Вы не удивились, узнав, что он в Этрета?

– Мы уже давно не видимся. Недели две назад я заметила его в городе и подумала, что он здесь проездом.

В воскресенье Шарль привел его ко мне и просил нас помириться. Я подала руку Тео.

– Он не объяснил, почему приехал сюда?

– Сказал, что хочет отдохнуть. Но вы перебили мой рассказ. Я остановилась на том времени, когда мой муж был еще жив. Последние десять лет не всегда были безоблачными.

– Когда вы купили этот дом?

– Незадолго перед банкротством мужа, когда у нас еще был особняк в Париже, замок и все прочее. Признаться, я сама попросила его приобрести этот домик, где чувствую себя уютнее, чем в любом другом месте.

Видимо, Мегрэ невольно улыбнулся. Она сразу же это подметила:

– Представляю, что вы думаете обо мне! И возможно, в чем-то вы правы. В замке Анзи я играла роль помещицы-аристократки, как меня просил Фернан.

Я председательствовала на всех благотворительных церемониях, но никто не знал, кто я такая. И мне стало обидно, что город, знавший меня в унижении и бедности, не видит моего блеска. Может, это и не слишком приглядно, но, согласитесь, по-человечески простительно... Нет, лучше скажу вам сама, все равно вам расскажут: иные здесь не без ехидства зовут меня помещицей. А за глаза они предпочитают называть меня просто Валентиной.

В коммерческих делах я никогда ничего не понимала. Но мне было ясно, что Фернан чересчур увлекся, он не всегда кстати расширял производство. Видимо, не столько для того, чтобы ошеломить других, сколько самому себе доказать, что он крупный финансист.

И вот сначала мы продали яхту, затем – замок. Как-то вечером, после бала, когда я отдавала ему жемчуга, чтобы убрать их в сейф, он сказал мне с горькой усмешкой: «Так даже лучше, никто не догадается... Но если их и украдут, несчастья не произойдет, они ведь поддельные».

Он стал молчаливым, искал уединения. Лишь крем «Жюва» все еще приносил какой-то доход, а новые затеи рушились одна за другой.

– Он любил своих сыновей?

– Не знаю. Вам покажется странным, что я так отвечаю. Принято считать, что родители любят своих детей. Это естественно. Но теперь я думаю, что чаще бывает наоборот. Ему, конечно, льстило, что Тео был вхож в тот избранный круг, где сам он и не мечтал быть принятым. Но с другой стороны, он понимал, что Тео – ничтожество и что именно его честолюбивые замыслы во многом способствовали нашему разорению. Ну а Шарлю муж никогда не мог простить его бесхарактерность, слабых и безвольных он терпеть не мог.

– Потому что, по сути, сам был таким? Вы это хотите сказать?

– Да. Особенно в тяжелые последние годы, когда на его глазах рушилось все его состояние. Может, он действительно меня любил? Он не был экспансивным, и я не припомню, звал ли он меня любимой. Он хотел уберечь меня к старости от нищеты и этот дом записал пожизненно на мое имя, а перед смертью еще обеспечил меня маленькой рентой. Вот, пожалуй, и

---

² Курортный город на севере Франции.

все, что он мне оставил. Его дети получили только маленькие сувениры, как, впрочем, и моя дочь, которую он не отличал от своих сыновей.

– Он умер здесь?

– Нет. Он скончался в одиночестве, в номере отеля в Париже, куда отправился, надеясь договориться о новом деле. Теперь вы уже имеете представление о семье. Не знаю точно, чем занимается Тео, но у него всегда есть автомобиль, он хорошо одет и живет в аристократических кварталах. Что же касается Шарля, у него четверо детей и довольно неприятная жена. Он перепробовал несколько профессий, и все безуспешно. У него была навязчивая идея – основать газету. Но и в Руане, и в Гавре он потерпел неудачу. Тогда в Фекане он вошел в одно дело – по производству удобрений из рыбных отходов. Оно оказалось прибыльным, и он выставил свою кандидатуру на выборах, не знаю уж, от какой партии. По нелепой случайности его избрали, и вот уже два года он депутат.

Они не святые, ни тот ни другой, но и негодьями их назвать нельзя! У них нет ко мне слепой любви, однако ненавидеть им меня не за что. Да и смерть моя не принесет им выгоды. Безделушки, которые вы видите здесь, не дали бы многого на аукционе. А ведь они да еще подделки под мои прежние драгоценности – вот, собственно, и все, что у меня осталось. Что же касается местных жителей, они привыкли ко мне, старой женщине, и считают меня неотъемлемой частью здешнего пейзажа. Почти все, кого я знала в юности, умерли, осталось лишь несколько старушек, таких как старшая сестра Серэ, которую я время от времени навещаю... То, что меня пытались отравить, кажется мне настолько нелепым и диким, что мне даже неловко видеть вас здесь. Право, я стыжусь, вспоминая, что ездила за вами в Париж. Признайтесь же, вы, должно быть, приняли меня за свихнувшуюся старушку?

– Нет.

– Почему? Как вы поняли, что дело серьезно?

– Роза мертва!

– Это верно.

Она посмотрела в окно на разбросанную мебель во дворе, на одеяло, висевшее на веревке.

– Садовник приходил к вам сегодня?

– Нет. Он был вчера.

– Что же, эта женщина одна вынесла мебель?

– Разобрали и вынесли все это мы вдвоем сегодня утром, перед тем как мне ехать в Ипор. Мебель была громоздкая, а лестница узкая, с крутыми поворотами. Я сильнее, чем кажусь, господин Мегрэ. У меня тонкая кость, словно у птицы, но Роза, несмотря на ее дородность, была не выносливее меня.

Поднявшись, она наполнила его рюмку и сама отпила глоток старого золотистого кальвадоса, аромат которого, казалось, заполнял всю комнату.

Новый вопрос, который задал Мегрэ, спокойно попыхивая трубкой, видимо, удивил ее.

– Скажите, а ваш зять, Жюльен Сюдр, случайно, не рогоносец?

Она рассмеялась, скрывая замешательство:

– Я никогда не задумывалась над этим.

– И никогда не интересовались, есть ли у вашей дочери любовник?

– Бог мой, для меня это не было бы сюрпризом!

– В комнате вашей дочери был мужчина в ночь с воскресенья на понедельник.

Она нахмурила брови, задумалась:

– Теперь я понимаю.

– Что вы понимаете?

– Что означают кое-какие мелочи, которым я поначалу не придавала значения. Весь день Арлетта была рассеянна, думала о чем-то. После обеда она вызвалась погулять с детьми Шарля

на пляже и огорчилась, когда Шарль сам пошел с ними на прогулку. Когда я спросила, почему с ней не приехал муж, она ответила, что ему нужно было дописать один пейзаж на берегу Сены. «Ты ночуешь у меня?» – спросила я ее. «Не знаю. Не думаю. Мне, пожалуй, лучше уехать вечерним поездом». Я все же настояла. Я заметила, что она часто смотрит в окно. И припоминаю, как с наступлением темноты по дороге мимо нас два-три раза очень медленно проехал автомобиль.

– О чем вы разговаривали вечером?

– Трудно сказать. Мими занималась своим младенцем, меняла пеленки, готовила ему соску, отчитывала пятилетнего Клода, который топтал клумбы. Мы, конечно, говорили о детях. Арлетта заметила, что младший, родившийся после пятилетнего перерыва, вероятно, был неожиданностью для Мими, если учесть, что старшему уже пятнадцать лет. Мими ответила, что Шарлю только этим бы и заниматься, все заботы ведь не на его плечах. Словом, вам легко представить, о чем шла речь. Мы обменивались еще кулинарными рецептами.

– Арлетта поднималась в вашу комнату после обеда?

– Да. Я показала ей платье, которое сшила себе недавно, и примерила его при ней.

– Где стояла ваша дочь?

– Она сидела на кровати.

– Оставалась она одна в вашей комнате?

– Только на мгновение, пока я ходила за платьем в соседнюю комнатку, которая служит мне гардеробом. Но я и мысли не допускаю, чтобы Арлетта могла вылить яд в пузырек с лекарством. Для этого ей понадобилось бы открыть аптечку, которая находится в ванной. Я бы услышала. Да и зачем бы это нужно было Арлетте?.. Ах да, я вижу теперь, что бедняга Жюльен рога!

– Мужчина пробрался в комнату к Арлетте после полуночи и был вынужден поспешно бежать через окно, когда услышал стоны Розы.

Она не удержалась от улыбки:

– Не повезло!

То, что произошло у нее в доме, ее больше не пугало.

– Кто же он? Кто-нибудь из здешних? – спросила она.

– Он привез ее из Парижа на машине, это некий Эрве Пейро, виноторговец.

– Он молод?

– Ему лет сорок.

– Меня тоже удивило, что она приехала поездом, ведь у ее мужа есть машина и она умеет водить. Все это странно, господин Мегрэ, и в конце концов я довольна, что вы здесь. Инспектор Кастэн унес с собой стакан, пузырек с лекарством и другие вещи, которые находились в моей комнате и в ванной. Мне хотелось бы узнать, что скажут в лаборатории. Приходили еще полицейские в штатском, они тут все фотографировали. Ах! Если бы Роза не была такой упрямой! Я ведь сказала ей, что у лекарства странный привкус. И вот, едва выйдя за дверь, она допила стакан. Она, конечно, не нуждалась в снотворном, уверяю вас. Сколько раз я слышала сквозь стену, как она громко храпит во сне. Может, вы желаете осмотреть дом?

Мегрэ провел здесь какой-нибудь час, а дом уже казался ему хорошо знакомым. Угловатая фигура крестьянки – несомненно, вдовы! – появилась в дверях.

– Вы доедите вечером рагу или остатки можно отдать кошке? – без улыбки, почти злобно произнесла она.

– Доем, мадам Леруа.

– Я все кончила. Все прибрала. Когда вы сможете помочь мне внести мебель?

Валентина намекающе улыбнулась Мегрэ:

– Сейчас.

– А то мне уже нечего делать.

– Ну что ж, отдохните немного.

И она повела Мегрэ по узкой лестнице, на которой сильно пахло мастикой для натирки полов.

Глава 3

Исповедь Арлетты

– Заходите ко мне, когда вам будет угодно, господин Мегрэ, – говорила Валентина Бессон. – Я всегда к вашим услугам. Я вам так обязана, что вы приехали по моей просьбе из Парижа. Вы не слишком сердитесь, что я побеспокоила вас из-за этой запутанной истории?

Разговор шел в саду у калитки. Вдова Леруа все еще ждала хозяйку, которая обещала помочь ей внести мебель в комнату Розы. Был момент, когда Мегрэ чуть не предложил свою помощь, – настолько не представлял он себе Валентину ворочающей тяжести.

– Я сама не ожидала, что буду так настаивать на вашем приезде. У меня теперь и страх пропал.

– Мадам Леруа переночует у вас?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.